

стема не была оторванной от жизни, «надмирной». Связанная с определенной ступенью общественного мировоззрения, она отражала соответствующий ей интеллектуальный, идейный и социально-политический опыт. Для общепонятного зрительного воплощения образов и ей были в какой-то мере нужны бытовые — предметные, костюмные и иные — реалии.

Новую ступень в изображении человеческих образов можно проследить с XIV или еще с конца XIII в., когда искусство заметно овладевает той областью художественного постижения человека, которую с известным правом можно называть психологической. Психология образов XIV в. также еще не конкретная, сложная и разносторонняя, свойственная индивидуальным человеческим характерам. Существование ее замечено искусством только еще в некоторых общечеловеческих проявлениях, притом только в повышенно эмоциональных или резко выраженных формах. Но она оживила человеческие образы, наполнив их до некоторой степени реально-жизненным содержанием. «Ожившие» образы художественное изображение неизбежно начинает дополнять правдоподобием обстановки, а проявление их чувств и переживаний мотивировать действиями.

Все это, вместе взятое, требовало новых средств выражения. Более сложный, чем ранее, иногда преувеличенно острый рисунок, более разнообразные и иногда утрированные ракурсы, многофигурные композиции, движение были средствами нового стиля, выработанного для передачи нового содержания образов.

Интерес к живым человеческим эмоциям и вместе с ним «реалистическое» внимание к внешнему поведению человека, в котором эти эмоции проявляются, были исторической ступенью на пути художественного познания действительности. Творчеством мастеров XIV в., и среди них мастера Феофана, ломались оковы раннесредневекового иератизма. Ограниченность их образотворчества, не свободное от односторонности и «экспрессионистических» крайностей, свойственных первооткрывателям, на следующем этапе развития была преобразована глубиной и богатством опыта, чувством меры, внутренней и внешней уравновешенностью. Более целостное восприятие человека, уже не в отдельных его одноплановых и острых переживаниях, в единстве и гармонии чувств, связано со следующей ступенью искусства, лучшим представителем которой был Андрей Рублев. Глубоко очеловеченные, полные богатым лирическим и философским содержанием, человеческие образы, созданные великим мастером в церковной живописи, почти «утрачивают отвлеченный культовый характер».⁹

Поступательное движение древнерусского изобразительного искусства, разумеется, не закончилось творчеством Андрея Рублева. Но в отношении нашей темы — исторического развития изображения человека — оно не имело более в нем достижений такого же значения и масштаба.

Следует ли рассматривать это развитие, изложенное лишь в самых общих чертах, как путь к реализму? Не употребляя этого термина, во избежание путаницы понятий, можно сказать, что это был путь накопления познаний о мире и человеке, путь приближения к жизненной правдивости образов в пределах общего идеалистического типа искусства.

Был ли путь развития изобразительного искусства равномерным и вполне синхронным с литературой? По-видимому, нет. Если в XIV в. в области литературного творчества трудно указать явления столь же прогрессивные, как в области живописи, и если в XV в. преимущество глубины интеллектуализма и лиричности продолжает оставаться за послед-

⁹ В. Н. Лазарев, Андрей Рублев и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 124.